

РЕЦЕНЗИИ

Маяцкий М. А. СПОР О ПЛАТОНЕ: КРУГ ШТЕФАНА ГЕОРГЕ И НЕМЕЦКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012 (СЕРИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ)

ПЛАТОН, «КРУГ ГЕОРГЕ» И РАННИЙ ЛОСЕВ

С момента выхода книги, о которой пойдет речь далее, прошло два года, поэтому предлагаемый ниже текст не является рецензией на нее в строгом смысле этого слова. По крайней мере, его цель — не столько рецензионный отклик, сколько ряд выводов в области изучения русско-немецких философских контактов первой четверти прошлого века, на которые наталкивает эта книга. И, главным образом, — относительно «Очерков античного символизма и мифологии» Алексея Лосева.

Книга, о которой идет речь, — это глубокое исследование Михаила Маяцкого «Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет», изданное в 2012 г. Высшей школой экономики [Маяцкий 2012]¹.

О том, откуда возник замысел этой книги, Михаил Маяцкий рассказал за три года до ее выхода в лекции «Рецепция Платона в Германии в начале XX века» (Юрмала, 10 октября 2009 г.) [Маяцкий 2010]. Изучая тему зрения у Платона и Аристотеля он попытался понять, откуда эта тема возникла в двадцатые годы у Хайдеггера. Выяснилось, что «о ней стали говорить в какой-то момент времени и к тому же совсем недавно: а именно в 1924 году, причем одновременно два человека, явно независимых друг от друга, некто Мартин Хайдеггер и американец Джон Дьюи. Я стал думать и предположил, что Хайдеггер (в лекциях, а потом в материалах к “Бытию и времени”; 1924 — самая ранняя граница), наверное, не сам это придумал, а на кого-то опирался; я стал искать предтечу. И, с другой стороны, я наткнулся в литературе там и сям на страшную полемику; в истории античной философии, где все-таки тона остаются сдержанными,

¹ Во избежание недоразумений сразу оговорюсь, что, в отличие от Маяцкого, который предпочитает передавать имя Stefan’a George как «Штефан», я буду придерживаться традиционной русской транскрипции — «Стефан».

в адрес некоего загадочного круга Георге (George-Kreis) сыпались страшные громы и молнии» [Маяцкий 2010, 9]. И линии неожиданно сошлись: оказалось, что платоновские штудии георгианцев повлияли и на Хайдеггера — и не на него одного...

В самой книге Маяцкий рассматривает несколько работ о Платоне, вышедших с середины 1910-х по начало 1930-х гг. из «круга Георге» — как называли своеобразный союз, образовавшийся вокруг известного тогда поэта-символиста и мыслителя Стефана Георге (1868–1933). Это, прежде всего, «Платон. Его гештальт» Генриха Фридемана [Friedemann 1914], «Платон и греческая утопия» Эдгара Залина [Salin 1921], «Платон основатель» Курта Зингера [Singer 1927] и «Платон. Борьба духа за власть» Курта Хильдебрандта [Hildebrandt 1933]. Каждому из этих своеобразных интерпретаторов Платона в книге посвящено по отдельной главе: реконструируется биография автора, сжато излагается его книга о Платоне и те отклики, которые она вызвала как среди самих георгианцев, так и — значительно реже — в академической среде. Маяцкий прослеживает также влияние «круга Георге» на исследователей античной философии, напрямую к кругу не принадлежавших, например, на таких известных ученых, как Фридендер и Йегер.

Что представлял собой круг Георге? Своеобразный мужской союз, со своими неписаными ритуалами. Неприятие университетской монополии на истину; брезгливость к современности с ее «софистикой»; чаяние нового «духовного Царства» (*das geistige Reich*). Платон, истолкованный как воспитатель и создатель «имперской утопии»: своего рода «афинский Георге» (лейтмотив платоновских штудий, опубликованных Кругом).

Впрочем, обращение к Платону не ограничивалось у георгианцев только социальной стороной, политическими и педагогическими проектами. В книге также рассматривается своеобразная интерпретация онтологии и эпистемологии Платона. Прежде всего, понимание платоновских идей — в пике неокантианцам — не как абстрактных понятий, а вполне телесно, как «воплощение, обращение в плоть» [Маяцкий 2012, 272]. Или фиксация на *зрительном* характере идеи — что восходит к этимологии этого слова. Как не без основания полагает автор, это «обильное восхваление узрения [Schau] в платонических и не только платонических текстах круга... нашло отклик в том “скопическом”, или “визуальном” повороте, который Хайдеггер совершил в середине 20-х годов и о котором в полной мере свидетельствует его *opus magnum* 1927 года» [Маяцкий 2012, 301].

Однако основной акцент в книге сделал именно на «социологической» интерпретации Платона георгианцами. «Вопреки духу времени (как они его истолковывали) они приняли решение жить и творить, равняясь на высшие,

классические, древние поэтические, художественные и философские образцы, среди которых Платон — не сразу, но тем вернее — занял самое почетное место... Эстетически они были, несомненно, антимодернистами, а политически — активными участниками того, что позднее получило наименование “консервативной революции”...» [Маяцкий 2012, 15].

Царство (Reich), которого чаял Круг, как известно, очень скоро наступило — не совсем, как оказалось, платоновское и ставшее полной неожиданностью для большинства членов Круга. И особенно для тех, кто более всего критиковал Веймарскую республику, рассуждал о «крови», «опьянении» и грядущем «обновителе народа».

Пожалуй, этого ретроспективизма — взгляда на Круг Георге и его «платонолатрию» с точки зрения прихода к власти нацистов — в книге даже слишком много. Так, что это немного заслоняет тот не менее острый «спор о Платоне», который шел в 1920-е гг. в немецкой университетской науке. (Когда модной становится, например, тема «Платон и Восток»; под таким названием выходят в Германии сразу две монографии, не говоря уже о многих статьях; Платон, утверждалось в этих работах, почерпнул всю свою мудрость — которая, как и у георгианцев, сводится к мифам — из Древнего Ирана...²). Можно найти у «георгианского» понимания Платона — и в целом античности — и ряд переключек со Шпенглером.

Несколько жестко-оценочным выглядит упрек георгианцам в том неисторическом подходе к Платону, который преобладает в их книгах. «Главной чертой, — пишет Маяцкий, — решительно отличающей георгианские от академических книг о Платоне, является их беззастенчивый перспективизм. Они никак не ставили себе целью способствовать лучшему пониманию древнего автора... Доктрину, которую они якобы вычитывают из Платона, они, практически не скрывая этого, в него *вчитывают*...» [Маяцкий 2012, 224]. Однако подобное отношение к Платону достаточно характерно для философской (а не филологической) интерпретации: начиная с Аристотеля, целью философской интерпретации никогда не было «лучшее понимание» философии того или иного мыслителя, но почти всегда — ее переработка и использование для нужд собственного учения. Другое дело, что после Второй мировой войны, с постепенной

² См. об этом: глава «Дискуссии об “иранском влиянии” у Платона в немецко- и франкоязычных исследованиях 1920–40-х годов» в книге: Абдуллаев 2007, 67–73. Впрочем, появление этой темы было также отчасти инспирировано В. Йегером [Jäger 1923, 133–138], который в 1920-е гг. находился под определенным влиянием той интерпретации Платона, которая исходила из «Круга Георге» (о «георгианстве» Йегера см.: Маяцкий 2012, 284–286).

потерей философией своего научного престижа и возобладанием в сфере истории философии исторических и филологических методов, подход георгианцев к Платону выглядит все более ненаучным.

Теперь перехожу к основной, не рецензионной, а исследовательской части, инспирированной книгой Маяцкого, а именно к вопросу о «русских параллелях» к интерпретации Платона георгианцами. Тем более, что имя Георге было довольно известно в России, его стихи переводили Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов, Эллис. Был в символистской среде известен и «Круг Георге». В 1907 г. Эллис убеждал Эмиля Метнера создать и возглавить «нечто вроде братства Ст. Георге»³. Сам Метнер упоминал Георге как одного из немногих «духовных вождей Европы», способных встать «над узко-национальной точкой зрения»⁴.

Первое имя, напрашивающееся, кажется, само собой — Яков Голосовкер, с его крайне близкой кругу Георге интерпретацией античности. Такое ощущение, что даже романтически-приподнятым стилем своих работ Голосовкер подражает георгианцам; близок он им и в своем презрении к «позитивной науке» и академическому антиковедению. Наконец, совершенно георгианской была и интерпретация Платона как поэта (и противопоставление его в этом Аристотелю): «Платон, будучи поэтом, выражал свое учение образами... Платона я понимаю навыворот, если отталкиваться от аристотелева истолкования учения об идеях» и т. д. [Голосовкер 1987, 151]. К тому же Голосовкер мог знать некоторых из георгианцев лично: в 1922–1923 гг. он стажировался, как античник, в Берлине, хотя и ходил на лекции к Виламовицу-Мёллендорфу, с которым георгеанцы находились в конфронтации.

Однако здесь я подробнее остановлюсь на другом русском философе — А. Ф. Лосеве. А именно на том, насколько он мог быть знаком с подходами георгианцев в своих платоновских исследованиях 1920-х гг., прежде всего, в его «Очерках античного символизма и мифологии» (1930, далее — «Очерки») [Лосев 1993].

Именно в «Очерках» Лосев предпринимает наиболее радикальную «переоценку ценностей» в отношении Платона и платонизма. И эта переоценка достаточно близка по духу той, которую мы видим в «платоновских» работах георгианцев (при том, что они, можно сказать, пели осанну Платону, а Лосев заканчивал ему «трижды анафемой»). Перечислю.

³ Цит. по: Безродный 2012, 237.

⁴ Цит. по: Безродный 2012, 250.

Разрыв с университетской традицией, особенно — в лице ее тогдашнего корифея Виламовица-Мёллендорфа⁵. Заявка на совершенно «новое понимание» Платона. «Социологизированное» прочтение его текстов: Платон — и у георгианцев, и у Лосева выступает как общественный мыслитель, причем мыслитель консервативного, предельно антидемократического толка⁶. Упор на визуальности и «телесности» платоновских идей; восприятие их как *мифов* (формулируется это почти в одних и тех же словах⁷). Патетический — местами почти иератический — стиль.

Эти совпадения можно, конечно, объяснить и тем, что и георгианцы, и Лосев исповедовали крайне консервативные социальные взгляды. Идеи «консервативной революции» вообще тогда, что называется, носились в воздухе (и подготовили почву и для прихода Гитлера в Германии, и сталинского «термидора» в России). Лосев был ровесником георгианцев-«платоноведов»: могла сказаться поколенческая близость мировоззрений, в частности, то, что их ранняя юность пришлось на расцвет символизма (не стоит забывать, что сам Георге был ярким представителем немецкого символизма), а молодость — на годы Первой мировой войны.

Кроме того, Лосев и георгианцы опирались в своих трактовках Платона на общие источники. Это, прежде всего, вышедшая в 1922 г. вторым изданием книга Наторпа «Учение Платона об идеях» с новым «Метакритическим прибавлением» [Natorp 1922]. В «Очерках» Лосев высоко оценил эту работу. Наторп, пишет Лосев, в этом «Прибавлении» «становится самым решительным образом на другую точку зрения в отношении Платона... 70 страниц этого “Прибавления” есть лучшее, что написано о Платоне за несколько десятков лет» [Лосев 1993, 691–692]. Что касается георгианцев, то это «Прибавление» воспринималось ими чуть ли не как манифестация тайного «георгианства» Наторпа, который

⁵ Ср. упоминания о нем в «Очерках»: «Университетская наука, в лице заносчивого У. Виламовица-фон-Мёллендорфа...» [Лосев 1993, 27]; «Меня утрашает пример... знаменитого Виламовица, позитивизм которого заставил его оторвать трагедию от культа Диониса» [Лосев 1993, 140]. Об отношении круга Георге к Виламовицу см. у Маяцкого главу «Платон и Георге: священный альянс (против Виламовица?)» [Маяцкий 2012, 51–72].

⁶ У Лосева об этом: Лосев 1993, 818; у георгианцев — см.: Маяцкий 2012, 266–272.

⁷ Ср. у Лосева: «Логическая сторона платоновского учения об идеях формулирована нами как диалектика символического *мифа*. ... Миф есть нагляднейшее и конкретнейшее явление бытия. В мифе бытие зацветает своим последним осмыслением; и мифом сознательно или бессознательно руководится всякая мысль, в том числе и философская» [Лосев 1993, 674]. У «георгианца» Э. Залина: «Мифический образ, где бы он ни возникал, есть не добавка и перетолкование, но сама живая действительность... Мы описали сущность мифического образа. Мы описали вместе с тем и сущность идей» (цит. по: Маяцкий 2012, 280).

был для них довольно важной фигурой (его аспирантами в разное время были георгианцы Фридеман и Хильденбрандт).

Впрочем, можно указать еще один общий источник у Лосева и георгианцев — Фридрих Ницше, причем не столько то, что Ницше писал (как известно, очень нелицеприятно) о Платоне, сколько, в целом, ницшеанская трактовка античности.

Интрига состоит в том, что, достаточно подробно обрисовав в «Очерках» круг современных авторов, которые повлияли на формирование его, Лосева, собственной концепции платонизма (Наторп, Гуссерль, Шпенглер, Флоренский...), никого из георгианцев он не упоминает. Не называет он их, насколько могу судить, и в других своих работах того десятилетия. (Правда, следует учесть, что почти весь лосевский архив погиб при бомбардировке в 1941 г. — так что полной картиной мы не располагаем).

Означает ли это, что Лосев совершенно независимо двигался теми же путями в понимании Платона, что и Фридеман, Залин и др.? Возможно. И все же, того, что Лосев был знаком с их работами, полностью отвергать нельзя. Как уже отмечалось, Георге и его братство были известны в той части московской культурной элиты (символистской и околософиистской), под влиянием которой формировались эстетические и философские взгляды молодого Лосева.

В «Очерках» Лосев отмечал свое «долговременное и напряженное штудирование “платоновского вопроса” по бесчисленной немецкой литературе» [Лосев 1993, 695]. Судя по контексту, этот период относился к 1911–1917 гг. Пусть в эти годы из круга Георге выходит только одна «платоновская» книга: «Платон. Его гештальт» Генриха Фридемана [Friedemann 1914]⁸, в ней уже была изложена *in pise* вся новая георгианская концепция отношения к Платону. Мог Лосев читать и достаточно положительный отзыв Наторпа о книге Фридемана в приложении ко второму изданию «Учения Платона об идеях», которое автор «Очерков», как уже говорилось, ставил очень высоко⁹.

Кроме того, в «Очерках» Лосев указывает далеко не всех авторов, на идеи которых он непосредственно опирался в своем «новом понимании платонизма». Не упоминает, например, ни словом, ни полусловом, что источниками его утверждения о «фалличности» учения Платона [Лосев 1993, 677–678] были работы Василия Розанова и «Пол и характер» Отто Вейнингера¹⁰. Ими обоими

⁸ Основные «георгианские» книги о Платоне выходят в 1920-е — начале 1930-х гг.

⁹ См.: Natorp 1922, 509–512; Маяцкий 2012, 104–105.

¹⁰ Речь идет о крайне популярной в России в дореволюционное десятилетие книги О. Вейнингера «Пол и характер» (1903) (рус. пер.: Вейнингер 1908). О влиянии этой книги на русскую философию и литературу того периода см.: Берштейн 2004, 208–228.

Лосев увлекался с молодости¹¹, однако указывать их имена не стал, ограничившись в скобках заявлением: «Замечу, что я не фрейдист и считаю теорию Фрейда в общем ошибочной» [Лосев 1993, 678]. Действительно, фрейдистом Лосев не был¹²: он был «розановцем» и, отчасти, «вейнингерманцем». Но эти имена не названы — скорее всего, по причинам цензурного порядка¹³.

Так могло быть и в случае с георгианцами. Лосеву — если он действительно был знаком с их книгами о Платоне — вряд ли было целесообразно на них ссылаться. Одно дело в качестве своих предтеч упомянуть вполне уважаемые имена Наторпа, Кассирера, Гуссерля и даже Шпенглера (который все-таки переводился и был издан в Советской России [см.: Степун, Бердяев, Букшпан, Франк 1922], хотя издание «ответа» русских философов Шпенглеру и привело к их высылке). Другое дело — ссылаться на книги, выходявшие из круга, воспринимавшегося как нечто одиозное даже в самой Германии.

В «Очерках» Лосев всячески настаивает на том, что с середины 1920-х гг. он пришел к принципиально новому пониманию платонизма, не имевшему, так сказать, аналогов среди современных ему авторов, писавших о Платоне. Об этом он пишет и в «Предисловии» [Лосев 1993, 6], и в «Заключении» [Лосев 1993, 703–704]. Не ставя под сомнение новизну и оригинальность отдельных мыслей Лосева, хотелось бы все же напомнить, что далеко не всеми современниками эта его оригинальность признавалась. Например, о. Павел Флоренский в 1927 г. в разговоре с Ниной Симонович-Ефимовой говорил: «Что касается Лосева, то он рефлектор, который сам темный, но отражает попадающие на него лучи и сразу же затем вновь потухает. Это неприятно» [Флоренский 1994, 6]. Возможно, характеристика эта была дана под влиянием момента — к тому же, Флоренский мог быть еще не знаком с «Очерками». И все же, судя по тому, как Лосев заявляет о новизне своего подхода, по тем оговоркам, отсылкам и умолчаниям, которыми он это заявление сопровождает, возникает впечатление, что он раскрывает далеко не все карты.

В этой связи обращает на себя внимание следующий пассаж: «Но — и это последний шаг — моя *новая* (как легко заметить, *относительно новая*) концепция платонизма имеет под собой еще одно идеологическое течение, окончательно оформившее мои долгие труды над Платоном и приведшее

¹¹ Об увлечении Розановым см.: Лосев 1997, 140, 330; об увлечении Вейнингером — *ibid.*, 152, 164, 165.

¹² Для георгианцев, кстати, психоанализ тоже был неприемлем, см.: Маяцкий 2012, 258.

¹³ Так, Лосев открыто пишет, что предыдущую его книгу, «Античный космос», ему «пришлось перед напечатанием буквально искромсать» [Лосев 1993, 701].

их к тому виду, в каком они теперь реально предстают» (курсив мой. — Е. А.) [Лосев 1993, 703].

Сразу же возникают вопросы. Была концепция Лосева *новой* — или же *относительно новой*? И что это за «еще одно идеологическое течение», которое «окончательно оформило» взгляды Лосева на Платона?

Первое «идеологическое течение», которое приходит на ум, — это, конечно, марксизм. Только почему он обозначен так энигматически? Почему далее Лосев нигде не упоминает ни сам марксизм, ни Маркса, ни Ленина? Значит, по-видимому, имелось в виду другое «идеологическое течение» — но какое? Вместо пояснения, о каком течении идет речь, Лосев упоминает Шпенглера — причем тут же от него отрешивается, как прежде отрешивался от Фрейда: «Люди малокомпетентные будут, конечно, обвинять меня в шпенглерианстве» [Лосев 1993, 704]. И далее: «Ясно, что мое понимание специфика античности зависит не от Шпенглера» [Лосев 1993, 705]. Действительно, Шпенглер, при всей своей влиятельности, не представлял «идеологического течения».

Далее Лосев пишет, что к новому пониманию Платона и античности в целом его привел «вовсе не Шпенглер, а изучение *эстетики Гегеля и Шеллинга*», а именно то, что где-то в 1924 г., или чуть позже, философ «впервые тщательно проштудировал» гегелевские «Лекции по эстетике» и «Философию искусства» Шеллинга.

Безусловно, определенное влияние этих работ в «Очерках» чувствуется; однако ссылки на Шеллинга и Гегеля появляются у Лосева совсем не в тех местах, где он высказывает свои наиболее радикальные суждения о Платоне, касающиеся, прежде всего, платоновской «социологии». К тому же, ни шеллингианство, ни гегельянство в двадцатые годы не представляли собой «идеологических течений». (Философским — но не идеологическим — течением было неогегельянство, но здесь оно, похоже, менее всего имелось в виду).

Зато именно идеологическим и достаточно институционализированным течением было георгианство. С конца 1900-х гг. оно представляло собой целую ассоциацию, имевшую свой печатный орган, свои кружки. «Разбросанная по ряду городов, ...она представляла собой целую серию кружков и пар: учитель/ученик, ведущий/ведомый, но часто без строгого распределения ролей» [Маяцкий 2012, 17]¹⁴. Целью этого движения, особенно у того поколения георгианцев, при котором произошла окончательная канонизация Платона, в их кругу и стали выходить книги о нем, — было создание и утверждение своего

¹⁴ Ср. с критикой Флоренского Г. В. Флоровским: «Сама соборность церкви распадается у него в множественность интимных дружественных пар» (цит. по: Берштейн 2004, 227).

рода «империи духа», внеконфессионального культа эстетического преобразования действительности. Так что, утверждая, что его концепция платонизма имела «под собой еще одно идеологическое течение», Лосев вполне мог иметь в виду георгианство.

И еще одна важная отсылка, данная Лосевым — позволю себе длинную цитату: «Другое дело — *типология*. Это — нечто совсем новое, ибо надо дать анализ Платона не только в смысле стиля, языка, поэтики и т. д., но нужно сделать это так, чтобы отсюда получились ощутительные результаты для учения об идеях. “Стиль” и “мировоззрение” должны быть объединены во что бы то ни стало; они обязательно должны отражать друг друга. К этому присоединяется повелительный зов современности (меньше всего русской) о применении *социологического* метода к области философии. Для меня, как последовательного диалектика, социальное бытие конкретнее не только логической, но и выразительной, символической и мифологической стихии. Социальное бытие заново воплощает логику, символику и мифологию и меняет их отвлеченные контуры до полной неузнаваемости. Поэтому *платоновская Идея должна предстать пред нами как социальное явление*. Но для меня это и есть вопрос о *наиболее конкретном стиле* платоновского учения об идеях. Это — вопросы *типологии*» [Лосев 1993, 707].

Здесь к «идеологическому течению» добавляются еще два неизвестных: «социологический метод» и «типология». Что это такое, и на чьи работы он опирается, Лосев, опять же, нигде не уточняет. Разве что только оговаривает (еще одна оговорка!), что использование социологического метода было вызвано «повелительным зовом современности (меньше всего русской)».

Рискну предположить, что и здесь Лосев имеет в виду «Круг Георге». «Социология» (если этим словом можно назвать лосевские выкладки), нацеленная на выявление некоего общего «типа» и «спецификума», — это очень похоже на то, что делали георгианцы. А именно — выявление в социальной, политической и культурной эмпирике некоего *гештальта*. «Этот кантовско-гётеанский термин сделал в первые десятилетия XX века невероятную карьеру... не в последнюю очередь благодаря его концептуализации в Круге Георге. ...Гештальт был призван зафиксировать единство вечного и временного, неподвижного и преходящего, формы и материи» [Маяцкий 2012, 32]. Лосев употребляет вместо «гештальт» понятия «тип», «спецификум», но суть остается той же.

Так что обмолвка Лосева, что его социологический метод не связан с русской современностью (т. е., с марксизмом) могла быть не случайной — этот метод был связан с другой современностью, немецкой. Георгианцы всячески стремились вычлениить и актуализировать «социальный гештальт» («Пришло

время указать, напротив, что у Платона, как, быть может, ни у какого другого философа, из индивидуального переживания вырастает государственная установка и государственное учение» [Andreae 1923, X]¹⁵. То же, как мы видели, пытался делать и Лосев. При этом его трактовка социального гештальта платонизма была даже более радикальной, чем у георгианцев, для которых Платон все же оставался абсолютным авторитетом (как бы «античным Георге»), и такие эскапады против него, какие мы находим в «Очерках», никто из них себе не позволял. Так что Лосев — опять же, если наша гипотеза верна — имел основание считать, что в чем-то он продвинулся значительно далее георгианцев. Возможно, именно поэтому он пишет в «Предисловии» к «Очеркам», что используемая им «методология на Западе только зарождается; и неизвестно, когда она станет там общепринятой»; и буквально тут же: «Вернее же всего..., что немцы очень скоро разработают историю древней философии в предлагаемом мною направлении» [Лосев 1993, 6]. Вряд ли Лосев имел в виду под «немцами» Наторпа (к тому времени покойного), или Шпенглера, который не занимался историей философии. Похоже, что под «немцами» подразумевались именно георгианцы.

Завершая, хотелось бы отметить, что гипотеза о «контрабанде» георгианских идей в отношении Платона несколько не умаляет собственно философских и методологических заслуг Лосева. Сегодня трудно осознать, насколько сильным было воздействие немецкой философской и гуманитарной мысли в России еще в 1920-е гг. Например, свою знаменитую концепцию мениппеи Михаил Бахтин также создал под непосредственным «немецким» влиянием — прежде всего, книги Г. Райха «Мим» [Reich 1903]¹⁶. Разве что это «изучение мениппеи как жанра античности и ее проекция на историю романа Нового времени в немецкой классической филологии 1920–1930-х годов было привычной темой, “узаконенной” авторитетными изданиями» [Попова 2007, 96], поэтому Бахтин открыто ссылался на эти источники в своих работах. Что касается круга Георге, то «узаконенным» его подход к Платону не был, хотя влияние этого подхода в 1920-е годы росло, и его можно заметить у таких не являвшихся непосредственно георгианцами авторов, как Хайдеггер, Йегер, Гадамер... В любом случае, независимо от того, являлись ли созвучия между «Очерками» и работами георгианцев о Платоне результатом философской «контрабанды» или параллельного развития, тема эта требует своей дальнейшей разработки.

Е. В. Абдуллаев

¹⁵ Цит. по: Маяцкий 2012, 263.

¹⁶ О влиянии этой книги на Бахтина см.: Попова 2007, 96–98.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Andreae 1923 — *Andreae W.* Einleitung // *Platos Staatsschriften*. 1. Teil: Briefe / Text durchgesehen und neu übersetzt, erläutert und eingeleitet von W. Andreae. Jena: G. Fischer. 1923. S. IX–XXVIII.
- Friedemann 1914 — *Friedemann H.* Platon, seine Gestalt. Berlin: Blätter für die Kunst, 1914.
- Hildebrandt 1933 — *Hildebrandt K.* Platon. Der Kampf des Geistes um die Macht. Berlin: Bondi, 1933.
- Jaeger 1923 — *Jaeger W.* Aristoteles: Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1923.
- Natorp 1922 — *Natorp P.* Platos Ideenlehre. 2. Aufl. Leipzig: F.Meiner, 1922 (durchgesehene, um den metakritischen Anhang Logos-Psyche-Eros vermehrte Ausgabe).
- Reich 1903 — *Reich H.* Der Mymus. Ein literar-entwicklungsgeschichtlicher Versuch. Bd. 1–2. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1903.
- Salin 1921 — *Salin E.* Platon und die griechische Utopie. München: Duncker & Humblot, 1921.
- Singer 1927 — *Singer K.* Platon, der Gründer. München: C. Beck, 1927.
- Абдуллаев 2007 — *Абдуллаев Е.* Идеи Платона между Элладой и Согдианой: очерки ранней истории платонизма на Среднем Востоке. СПб., 2007.
- Берштейн 2004 — *Берштейн Е.* Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерянстве // Новое литературное обозрение. № 65. 2004. С. 208–228.
- Безродный 2012 — *Безродный М. В.* Из истории русского германофильства: издательство «Мусaget» // Федор Августович Степун / Под ред. В. К. Кантора. М., 2012 (Философия России первой половины XX в.).
- Вейнингер 1908 — *Вейнингер О.* Пол и характер. Теоретическое исследование / Пер. с нем. В. Лихтенштадта под ред. и с предисл. А. Л. Волынского. СПб., 1908.
- Голосовкер 1987 — *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа / Приложение: Акад. Н. И. Конрад о труде Я. Э. Голосовкера / Сост. и авторы примеч. Н. В. Брагинская и Д. Н. Леонов. Послел. Н. В. Брагинский. М., 1987.
- Флоренский 1994 — Из бесед с П. А. Флоренским, записанных Н. Я. Симонович-Ефимовой // Литературная газета. 9.11.1994.
- Лосев 1997 — *Лосев А. Ф.* «Мне было 19 лет...». Дневники. Письма. Проза. / Сост., предисл., комм. А. А. Тахо-Годи. М., 1997.
- Лосев 1993 — *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А. А. Тахо-Годи. Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М., 1993.
- Маяцкий 2009 — *Маяцкий М.* Рецепция Платона в Германии в начале XX века // Русский мир и Латвия / Под ред. С. Мазура. Рига: Изд. об-ва Seminarium Hortus Humanitatis, 2010. Вып. XXI. С. 9–13.
- Маяцкий 2012 — *Маяцкий М. А.* Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет. М., 2012. (Серия: Исследования культуры).
- Попова 2007 — *Попова И.* «Мениппова сатира» как термин Бахтина // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 83–107.
- Степун, Бердяев, Букшпан, Франк 1922 — Освальд Шпенглер и Закат Европы: Сборник статей Н. Бердяева, Я. Букшпана, Ф. Степуна и С. Франка. М., 1922.